

ДВОЕ В ПУСТЫНЕ ЖИЗНИ

Независимая
газета. - 1998,
- 28 июля - с. 7

«Манон Леско» Пуччини в миланском театре «Ла Скала»

Манон (Мария Гулегина) и де Грие (Хосе Кура).

Фото Сильвии Лаллы

Александр Брагин

ТЕАТР «Ла Скала» закрыл сезон. Премьера «Манон Леско» Пуччини стала, по мнению многих, событием минувшего сезона. В последнее вре-

мя в театре наметилась тенденция к чередованию новаторских и традиционных постановок, что, вероятно, исходит из разнообразия зрительских пристрастий и вкусов. В текущем сезоне к первому типу можно отнести «Вольного стрелка» Вебера (режиссер Пьер Алли) и «Лукрецию Борд-

жа» Доницетти (режиссер Уго де Ана), решенные соответственно в минималистском и метафорическом ключах. Во вторую группу входят довольно стандартно, но крепко поставленная «Линда ди Шамуни» Доницетти и откровенно рутинная «Хованщина», которую привез на гастроли Мариинский театр.

В первый раз музыкальный руководитель театра Риккардо Мути брался за сценическое воплощение музыкальной драмы Пуччини. В первый раз пел на главной сцене Италии молодой, но уже широко известный аргентинский тенор Хосе Кура, которого одни называют преемником Пласидо Доминго, другие — новым Марио дель Монако. И, наконец, впервые в роли лирической героини (после грандиозного успеха в зловещих вердиевских партиях Леди Макбет и Абигаиль) на сцене «Ла Скала» выступила русская певица Мария Гулегина. Итальянская критика считает ее голос одним из самых выдающихся в наши дни.

С меньшим энтузиазмом ожидали, правда, постановку Лиллианы Кавани, зная о ее пристрастии к традиционному реалистическому театру. Но как раз режиссура оказалась одним из «сильных пунктов» спектакля. В предельно лаконичных и легко опознаваемых декорациях (таверна, будуар, а в последнем действии просто пустое пространство сцены, обрамленное зеркалами) действие разворачивалось четко, динамично, все мизансцены были пластически остры и легко читались.

Что касается пуччиниевского дебюта Риккардо Мути (до этого была лишь «Тоска» в грамзаписи), то он вылился в настоящий триумф. Безукоризненный баланс оркестровых групп, верные темпы с хорошим внутренним «нервом», грандиозные кульминации, чуткая поддержка певцов — во всем чувствовалась уверенная рука большого мастера.

Более чем удачным следует признать дебют Хосе Кура. Конечно, те лестные сравнения с великими певцами, которыми его награждают, оказались мне несколько преждевременными. Тем не менее голос его гибок, легок и пластичен; чувственный и мягкий по тембру, он идеально подходит для партии де Грие. А если добавить к этому тонкую музыкальность и выигрышную сценическую внешность, то причины успеха станут совершенно очевидными.

Но подлинной героиней спектакля, по общему признанию, стала Мария Гулегина. Обладательница редкого по силе голоса, она нашла в палитре своего драматического сопрано легкие, изящные краски для обрисовки характера Манон (по словам Цветаевой, «самовластной, в себе не властной, сладострастной...»). Великолепна была она в большой любовной сцене второго акта, как яркая актриса проявила себя в драматическом эпизоде, где каторжниц сажают на отплывающий в Америку корабль. Незабываем и последний эмоциональный всплеск — знаменитая ария «Sola, perduta, abbandonata». Кстати, именно в последней сцене с наибольшей силой проявляются противоречия характера Манон. Ведь на самом деле она совсем не одинока: любящий де Грие принес себя в жертву, последовал за ней в пустыню, он верен и предан до конца и удаляется лишь на короткое время, чтобы найти волю. Поэтому производит особо сильное впечатление, что Мария Гулегина, как чуткая актриса и певица, не следует внешней канве, не играет ни расстерянности, ни испуга. Она раскрывает трагедию внезапно погасшего, опустошенного сердца — непредсказуемую, способную неожиданно настичь любого, страшную и для нас самих, и в особенности для тех, кто нам близок. ■

Милан-Рим